

f u n k y b o o k s

Малика Атей
Я никогда не

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-31(574)
ББК 84(5Каз)6-44
А92

Оформление серии и иллюстрация на обложке
Юлии Девятовой

Атей, Малика.

А92 Я никогда не / Малика Атей. — Москва :
Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-109660-1

В патриархальном городе, где нужно беречь девственность, но не остаться старой девой, Кора открывает ателье нижнего белья. Она думает, будто может говорить что хочет, заниматься сексом с кем хочет и мстить тем, кого не любит, но скоро осуждение общества разрушит ее маленький свободный мир.

УДК 821.161.1-31(574)
ББК 84(5Каз)6-44

© Атей М., текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109660-1

*Речь пойдет о продажных девочках,
ведь мальчики женятся только
по залету или по любви.*

Тогда я побежала к Богу:
«Пожалуйста, помоги мне, о Боже,
Разве Ты не замечаешь моих молитв?
Не видишь, как я молюсь,
стоя на коленях?»

Но Бог сказал:
«К черту тебя»
Бог сказал:
«Иди к черту»
Он сказал: «Иди к черту»
Именно сегодня
И я побежала к черту
Он ждал меня
Я побежала к черту, а он ждал
Я побежала к черту, а он ждал
Весь этот день.

*Sinnerman, афроамериканская народная
спиритуалистическая песня*

ГЛАВА 1

Все ли приглашенные идут на свадьбу, желая обеим сторонам счастья?

Конечно, существуют условно порядочные люди, понимающие доброту как попустительство, которым и в голову не приходит, что можно вообще-то плохо относиться к любому из участников торжества и что было бы гораздо человечнее пророчить не подходящим друг другу молодоженам одни беды, чем желать им счастья.

Боту погубили собственные стандарты. Она могла с успехом провести одну из тех ужасных свадеб, на которых нет ни одного гостя, который бы догадался, что свадьба ужасна, но в этом случае надо было не звать школьных подруг, а не звать школьных подруг — значить расписаться в их отсутствии, что в целом значило бы — до сих пор Бота не идеально жила жизнь.

Она пригласила нас в последний момент, за полторы недели до торжества. Любопытство перевесило все: мы согласились.

— Я до последнего не верила, что он на ней женится. — Гигантский подарок закрывал Анеле все лицо,

и казалось, что это говорит белая коробка с розовой лентой.

— А я с самого начала поняла, что так оно и будет, — ответила я ей довольно мрачно. — Они ведь так друг другу подходят, — добавила я, вспомнив о присутствии Юна, которого я плохо знала, и Ануара, которого не знала вовсе.

Карим улыбнулся:

— Мне одному послышалась ирония?

— Одному, — серьезно сказала Бахти, стряхивая пепел. — Мы все очень рады, что Айдар встретил Боту.

— Аминь. — Я слегка склонила голову.

— Сегодня будет весело. — Ануар балансировал на бордюре, перенося вес с пяток и обратно.

— О эта многозначительная улыбка. — Юн поднял брови.

— Мне кажется, или капает? — Бахти с интересом посмотрела на свою сигарету.

— Видишь, само небо велит тебе оставить эту пагубную привычку.

— Юн, а проще сказать нельзя? — Бахти ненавидела, когда ей пеняли на курение.

— Слушайте, а действительно капает. — Холодная дождевая капля коснулась моего плеча.

— Капает? Дождь? Подарок! Капает! — панически завопила Анея и поскакала внутрь загса быстрее, чем позволяли шпильки.

Коробку мы не покупали и ленты тоже не покупали — все это осталось от упаковки фурнитуры, которая поступила в мое ателье на прошлой неделе. Как только я увидела коробку, я вспомнила о финальной распро-

Я НИКОГДА НЕ

даже в «Дин Хоум». «Две подушки за шесть тысяч»¹, — я позвонила Бахти из магазина. «В «Дин Хоум» все такое красивое», — с сомнением ответила Бахти. «Зато некачественное», — успокоила я ее.

— Нет, я бы не делал свадьбу в такую погоду. — Юн, нахмуренный, нюхал воздух. Становилось все пасмурней и холоднее, и надежду, что только утром так, а днем распогодится, сдувало ветром.

— Ага, позвонил бы сотне-другой гостей и перенес на завтра, — усмехнулась Бахти. — По идее, лучше двадцатого сентября и представить себе нельзя. Должно было быть тепло.

— Свадьбу надо делать строго в августе, — сказал Ануар.

— Свадьбу вообще не надо делать, — ответил Карим. — И замуж выходить, и жениться надо как можно позже.

— Если мы все еще ведем речь об *этой* невесте, то нет, она не слишком поторопилась, — сказала я негромко, и все невольно бросили взгляд в сторону Боты, она стояла в отдалении к нам в профиль. Платье с завышенной талией подчеркивало ее живот, накидывая пару месяцев сверху.

Организатор свадьбы загнала нас внутрь: скоро начиналась регистрация.

Мы смотрели с плохо скрываемым разочарованием со второго этажа на первый, где Айдар то и дело наступал Боте на платье. Парадные и с постными лицами, мы выглядели так, будто пришли на полусвадьбу-полупо-

¹ 1 тенге приблизительно равен 0,0027 доллара США.

хороны: худенькая Бахти в смокинге, я в алом платье от Оскара де ла Ренты (сначала мне показалось, что я перестаралась, но потом многие стали расступаться, давая мне пройти, и я поняла, что перестаралась настолько, что уже не сама выгляжу слишком роскошно, а другие выглядят недостаточно хорошо), Анель с цветами в волосах, в платье цвета домашних меренг.

— Этот неловкий момент, — прошептала Бахти, — когда гости на свадьбе красивей невесты.

Я с удовольствием расправила складки на платье и ответила ей, что нельзя указывать на физические недостатки человека, это все аукается.

— Глаз выбьют? — переспросила Анеля.

— Нет, дочь с толстой шеей родится.

— Хорошо, — сказала Бахти, — я не буду говорить, что она беспородная, мелкая, неудачно выкрашенная в рыжий и у нее нет профиля...

— И стилия...

— И приличного визажиста...

— Да, и парикмахера тоже. Нельзя так нельзя. А можно говорить, что она недалекая, убого-тупая, невоспитанная колхозная прошмандовка?

— Ты же не хочешь, — Анеля пыталась не ржать, — чтобы у тебя родилась такая дочь? Вот и не говори.

— Не буду, — вздохнула Бахти.

— Ни в коем случае не говори, — я убрала белую ниточку с пиджака Бахти, — что у нее нет носа.

— Даже не думай, — подхватила Анеля. — Какие вы злые, девочки. Может, она стала неплохим человеком.

— Или богиней секса, — предположила Бахти.

Мы перегнулись через перила и вперились в невесту.

— Не-а, — я выпрямилась, — это вряд ли.

— Неужели он не мог найти другую богатую девушку? — в энный раз спросила Анеля.

Не то чтобы Бота не была завидной невестой, но сначала она ужасно долго была лиственницей, а потом оказалась сущим бревном. Бота располагала чудесным приданым (Бахти, узнав его размеры, сказала, что сама бы на ней женилась и сделала бы ее счастливой), но у нее не было ни мозгов, ни сердца, ни намек на достоинство, ни, вследствие первых трех пунктов, других женихов, помимо Айдара. А еще у нее напрочь отсутствовал вкус, совсем от слова вообще, что затрудняло поиск парней и мешало достойным молодым мужчинам узнать ее поближе, а именно узнать, чья она дочь, — вместо фамилии отца у нее было старое, как обивка в сельском автобусе, имя деда.

Шесть лет Бота надеялась, что ей встретится кто-нибудь, чье соотношение неверности и небогатства было бы менее удручающим. На седьмой год произошло два события. Во-первых, у Айдара умерла бабушка, оставив из всех внуков именно ему чудесную трехкомнатную квартиру в самом центре, — и хотя это ничего кардинально не меняло в богатстве Боты, она относилась к тем поразительно жадным людям, которые не согласны терять ничего, что можно приобрести. Во-вторых, Бота обнаружила, что Айдар стремительно удаляется от нее к семнадцатилетней студентке, удаляется, получив повышение по работе, а Бота уже прово-

дила замуж всех своих подруг — кроме нас, конечно, но нам было можно, мы с ней жили в разных мирах. Айдар был красивым парнем, невероятно красивым, и неглупым, и еще очень молодым, и было совершенно очевидно, что однажды он сделает прекрасную карьеру, и даже его продажность можно было простить за милые манеры, — и Бота бросила пить противозачаточные. Другими словами, они были той удивительной парой, которая соединила в себе сразу две весомые причины для заключения брака: если вам не нравился жених, можно было сказать, что он женится ради денег, а если вам не нравилась невеста, правдой было и то, что она женила его на себе, залетев.

— Смотрите, какие счастливые. — Бахти кивнула в сторону парней. Карим, Юн и Ануар стояли среди остальных костюмов и смокингов довольные, в радостном возбуждении.

— Не понимаю, чему они радуются — неужели им не видно, что их близкий друг женится на дуре? — спросила Анеля.

— Мне давно кажется, — Бахти подняла брови к вискам и хитро улыбнулась, — что мужчины не желают друг другу ничего хорошего. Не знаю ни одного мужчину, который бы сказал своему товарищу: «бросай эту стерву», или «ты достоин лучшей работы», или «ты сопьешься, я не буду тебе больше наливать».

— Мда, под видом мужской солидарности творятся страшные дела, — подтвердила Анеля.

— Может, все проще? — сказала я совсем тихо, чтобы и Анеля наконец перестала вопить. — «Сейчас я буду пить, сейчас меня напоят»?

Нас попросили занять места, штора, свисавшая с головы Боты, потянулась по красным ковровым ступенькам.

— Почему не спросили, — горячо зашептала Ане-ля мне на ухо, — есть ли в зале люди, знающие причины, по которым этот мужчина и эта женщина не могут вступить в брак?

— Потому что таких людей тут как минимум трое.

Мы расхохотались, тетка Айдара повернулась и шикнула на нас.

Голубей молодые пускали под холодным морозящим дождем.

— Господи, какие катания в такую погоду, — разворчалась Анеля, увидев лимузины.

— Анеля, ныть нехорошо. Ты можешь и не заболеть менингитом, — я пыталась не намочить подол в лужах, — и кровавый цистит — это совсем не так страшно, как рассказывают.

Бахти как-то удачно пропустила вперед всех, как она их звала, неоченьских, так что Карим, Ануар и зануда Юн успели отвертеться от настоящих подруг Боты и сели в машину вместе с нами.

Это были самые мокрые, самые скользкие, самые скучные, самые ветреные и холодные катания, и хотя жизнь еще не закончилась, было как-то понятно, что хуже катаний никогда уже не будет.

— Почему мы без шампанского? — каждую оставку недоумевал Ануар. Всякий раз, стоило ему покинуть компанию и устремиться к магазину, его звал жених, или дружка, или фотограф.

— Если я сейчас не выпью, — сказал Юн похоронным тоном, — я заработаю воспаление легких и умру.

Должен же он хоть что-то зарабатывать.

— Ничего, вон невеста в тонкой синтетике и вполне бодренькая, — сказала Юну Бахти.

— Ее греет свидетельство о браке. — Карим даже не потрудился снизить голос.

— Знаешь, как мне холодно в босоножках? — Анеля прыгала на месте.

— Потому что свадьбу надо делать в августе, — сказал Ануар. — Знаете, что самое ужасное? Мы столько позируем, но никогда не получим снимки.

— Никогда, — кивнул Юн.

— Кроме тех, что сделают для Инстаграма, — возразила Анеля.

— Безвкусно отфильтрованные, — я представила себе фотографии, на которых нас отметят, — слишком желтые, слишком размытые, да еще и отрезаны по суставам.

— Это как? — спросил Ануар.

На заднем плане невеста снималась с сестрами, жених приближался к нам, мы сделали доброжелательные лица.

Широко улыбаясь, я тихо и быстро ответила:

— Это когда ноги есть, а ступней нет, или руки есть, а кистей нет, или когда...

Но тут подошел Айдар.

— Ну, как оно? — Преувеличенно бодрый, он смотрел на всех и мимо каждого.

— Погода чудесная, — поэтическим тоном произнес Юн.

Я НИКОГДА НЕ

— Казахи говорят, дождь — это к хорошему, — встала Анеля.

Не прошло и секунды, как появилась Бота и крепко взяла мужа под руку (как будто кто-то будет посягать на него в день свадьбы).

К семи вечера, продрогшие, еле шевеля ногами, мы добрались до ресторана. Парни пошли с кем-то здороваться.

— Быстро в туалет. — Я утянула Анелю с Бахти. — Сейчас там будет очередь, как в Лувр в дни школьных каникул.

Куда более спокойные, но все такие же холодные — везде работали кондиционеры — мы пошли к карте рассадки. Бахти с Анелей искали наши имена в списке столов, начав с начала. Я заглянула в самый конец:

— О, мы сидим за лучшим столом с красивыми друзьями Айдара!

— Где? — Бахти с Анелей так перевозбудились, что чуть не стукнулись головами.

Я закатила глаза.

— Как только увидите стол на самом отшибе и пару обреченных детей за ним, не уходите далеко: это наш.

У Бахти вытянулось лицо. Я увидела, как Карим, Юн и Ануар садятся за один из лучших столов в центре зала, вместе с сестрами Боты, так далеко, что они нас даже не увидят. Мы этого вовремя не ценили, но, видимо, все, что мы испытывали до этого момента, — это была радость.

— Бота скорее съест пластикового лебедя за своей спиной, чем расщедрится на таких, как Ануар, для заве-